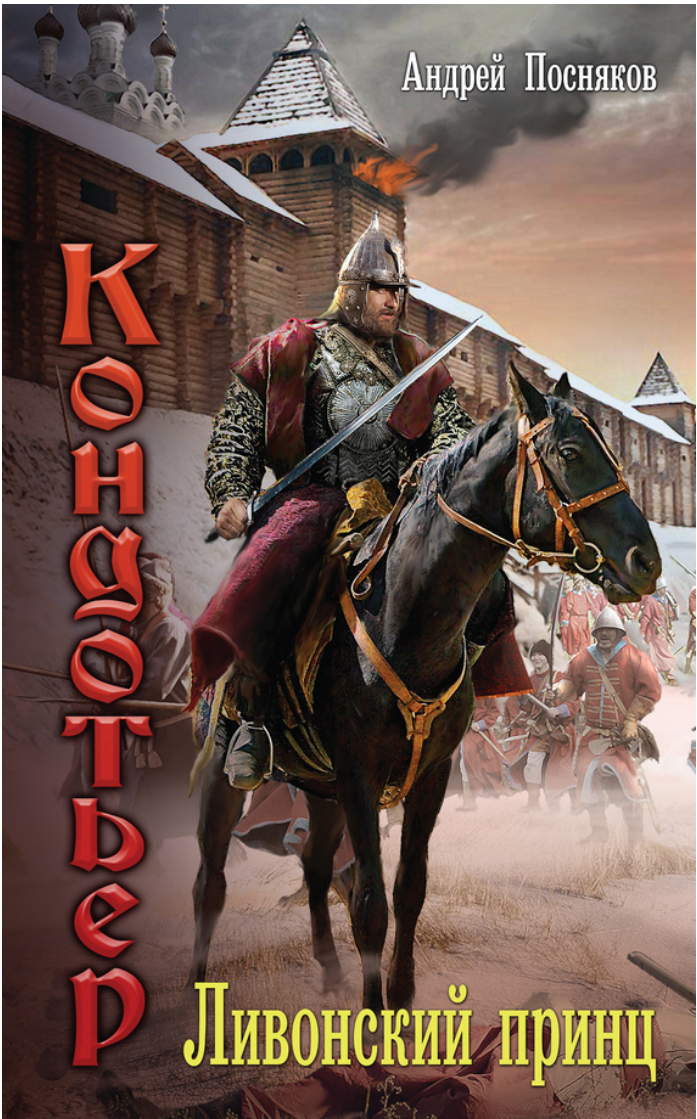

Андрей Посняков

К
О
Н
Г
О
Т
Ь
Е
Р

Ливонский принц

Андрей Посняков
Ливонский принц
Серия «Кондотьер», книга 1
Серия «Кондотьер», книга 1

Издательский текст
<https://litres.ru/17313383>

*Ливонский принц: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»;
М.; 2016
ISBN 978-5-17-095300-4*

Аннотация

<r>Вторая половина шестнадцатого века. Ливонская война. Войска союзника Ивана Грозного, принца Ливонии Магнуса, осадили Ревель. Свистят ядра и пули, тащит штурмовые лестницы лихая пехота... и никто не догадывается, что сам принц – не настоящий! А наш современник, оказавшийся в прошлом по собственной воле, Леонид Арцыбашев.</r> <r>В Москве Леонид обнаружил в одной из антикварных лавок старинный манускрипт эпохи Ивана Грозного. Проследив за хозяином манускрипта, Леонид оказался в подземельях Москвы... откуда выбрался в подвал Тайницкой башни Кремля в шестнадцатом веке, как раз во время правления царя Ивана Васильевича.</r> <r>Грозный царь воюет в Прибалтике, ведет Ливонскую войну, и странно одетого Арцыбашева принимают за «датского немца» – союзника

Ивана, ливонского принца Магнуса.</p><p>Связывающий эпохи ход между тем закрылся, но сдаваться просто так наш герой не собирается: нужно как-то выжить и выбраться обратно. А нынче царь Иван устраивает пир в честь дорогого гостя, объявляет о его помолвке со своей племянницей Ефимией Старицкой, дает двадцать пять тысяч талеров, войско... и отправляет брать Ревель!</p>

Содержание

Глава 1

7

Конец ознакомительного фрагмента.

51

**Андрей Анатольевич
Посняков
Ливонский принц**

© Андрей Посняков, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава 1

Наши дни. Москва Тит Ливий

Осторожно выглянув из-за угла, Леонид увидел сутулого уже в конце улицы, вернее маленького узкого переулка, напроць лишенного солнца даже сейчас, светлым майским вечером. Яркие лучики золотили лишь крыши, иногда вспыхивая в окнах последних этажей невысоких, четырех-, пятиэтажных домов, судя по архитектуре выстроенных в самом начале двадцатого века.

Лёня вел сутулого – именно так он именовал незнакомца – еще с Якиманки, с антикварной лавки. Там его и поджидал, и вот теперь решил выследить. Сначала хотел просто поговорить – там же, в магазине, – да из беседы ничего не вышло. Незнакомец просто не захотел разговаривать, более того – быстро ушел, даже не заглянул к стеллажам, как всегда делал. Ушел... Но вернулся, как и уверял хозяин лавки Тимоха, давний Лёнин друг. И вот тут-то Леонид – Леонид Федорович Арцыбашев – не стал теряться.

Не мытьем, так катаньем! Все равно узнать! Выяснить, откуда у сутулого такие раритеты? И ладно бы просто деньги – «новгородки» Елены Глинской! Хорошие такие монетки, серебряные, и самое главное, ничуть не затертые. На аверсе – всадник с копьем. Денежки эти еще называли «копейка»

ми». В отличие от «московских» – «сабленец», где на аверсе всадник с саблей. «Новгородка» к «московской» – номиналом два к одному. Сто «новгородок» – московский счетный рубль. Шестнадцатый век, однако!

Однако не в «новгородках» было дело – в листах пергаментных. Латынь. Тит Ливий. Совершенно неизвестный исторической науке список! Еще бы, из ста сорока томов крупнейшего римского историка сохранилось лишь тридцать пять. Остальные же...

Остальные вполне могли быть в утерянной библиотеке Ивана Грозного, знаменитой либерее, в которую Лёня, честно говоря, не очень-то и верил, но вот факты, точнее говоря – факт! Неизвестный Тит Ливий – ну откуда еще? Говорят, библиотеку ту бабка Ивана Грозного, супруга Ивана Третьего, бесприданница Софья Палеолог, никому после падения Константинополя особо не нужная, с собой привезла. Верится, конечно, с трудом – на что до свадьбы жила-то? Ведь скиталась, бедствовала. Если и имелись у нее ценные – даже в то время – книги, так уж продала бы. Тем более оказывающий ей покровительство папа римский Сикст Четвертый считался большим книгоцелем.

Кто только эту библиотеку ни искал... Известный авантюрист Стеллецкий даже деньги под это дело выбил, и не у кого-нибудь, а у самого Иосифа Виссарионовича Сталина! Не нашел ни хрена. Так что не сохранилось никаких раритетов. Однако – Тит Ливий. Ну, точно он...

Ага! Вот сутулый зашел в какой-то бутик. Что-то долго не выходит. Покупает что-нибудь? Или там есть другой выход? Скажем, на ту же Якиманку. Если так, то...

Вышел! Высокая, слегка сгорбленная фигура в потертых джинсах и старой кожаной – несмотря на пусть прохладный, но все же май – куртке. И что он так горбится-то? Парень-то еще молодой, лет тридцати – Лёнькин ровесник. А прикинут как подросток: нечесанные патлы, высокие армейские ботинки-берцы, длинная, нелепо торчащая из-под куртки майка с изображением финской блоковой группы «Чилдрен оф Бодом». Леонид эту группу знал, но музыку такую особо не слушал, предпочитал чего помягче да постарее – «Мотли Крю», «Скорпионе», «Кисе»...

Потертая куртка замаячила где-то в конце проулка, и преследователь прибавил шагу. Слава богу, кругом было довольно многолюдно – не ночь и не раннее утречко, так что Лёня ничуть не боялся, что незнакомец вдруг его узнает. А даже и узнает – и что? Ну, идет себе человек куда-то по своим делам, что такого? А что пересеклись вдруг – случайность.

Немного пойдя прямо по улице, сутулый свернул во двор. Арцыбашев насторожился – вот здесь уже вполне можно заметить слежку. Что же делать-то? А делать нечего! Вперед. Раз уж начал.

Уютный московский дворик ничуть не походил на при-

вычный Леониду питерский каменный мешок-колодец: зеленые деревья, кусты цветущей сирени, аккуратно припаркованные авто, клумбы. В песочнице, меж деревьями, играли малыши. На лавочках рядом судачили бабушки. Еще девчонки со скакалками. Мальчишки на велосипедах. А кожаная куртка – где? А нету!

Леонид откровенно заволновался. Скорее всего, незнакомец просто зашел в какой-то подъезд. Живет здесь. Впрочем, не мог так быстро. Пока ключ-«таблетку» к дверям приложит, пока...

Ага, вот он! Кожаная куртка мелькнула в самом конце двора, за деревьями. Мелькнула – и пропала. Но не в дом вошел – точно.

Наплевав на все правила слежки, молодой человек сорвался с места и побежал, словно бы куда-то опаздывал, едва не сбив пролетевшего мимо велосипедиста. Вернее, это велосипедист его чуть не сбил. Вот ведь, блин, раскатались!

Двор оказался проходным, да Леонид в принципе и ожидал чего-то подобного. Тут же перешел с бега на шаг да, зачем-то оглянувшись, резко свернул под арку. Свернул – и затаился. Отсюда, из темноты, было хорошо видно, как сутулый склонился за мусорными бачками. Потерял что-то? Или, наоборот, нашел?

Позади вдруг слышались голоса, и молодой человек непроизвольно оглянулся. Мальчишки. Аккуратненькие, в чистых маечках, в шортиках. Шли себе, разговаривали.

– Здравствуйте!

Поздоровались, ишь ты. Вежливые.

Лёня в ответ поздоровался, посторонился, пропуская ребят. А, когда глянул на мусорные бачки, сутулого уже не было! Исчез. Растворился.

А ведь исчезать-то некуда! Кругом одни глухие стены. Тупик! Что же он, в мусорный бак забрался?

Леонид подошел к бачкам ближе, заглянул... и едва не провалился в разверстый зев канализационного люка. Чугунная крышка была отодвинута примерно на треть. Такое впечатление, что ее изнутри задвигали, что ли. Но до конца не задвинули. Что-то помешало...

Господи! Да ведь голоса, мальчишки эти аккуратные – и помешали! Именно сюда, в этот вот люк, и нырнул незнакомец. Именно там – больше просто негде – и скрылся. И крышку задвинуть до конца не успел.

Та-ак... Арцыбашев задумчиво огляделся по сторонам. О тайнах московских подземелий он, конечно, слышал. И даже более того, как человек, всерьез увлеченный стариной и собиранием антиквариата, даже собирался их обследовать, правда, пока все некогда было, все не до того. Всего-то третий месяц в Москве. Да уж, некогда... Но вот сейчас... А почему бы и нет-то? Коли уж начал следить.

Индивидуалист до мозга костей, Леонид Федорович Арцыбашев обладал той самой авантюрной жилкой, без которой истинных коллекционеров просто не бывает. И эта жил-

ка вела его в подземелье. Немедленно! Прямо сейчас!

Одет молодой человек был вполне подходяще – джинсы-кеды. Да и двор опустел. Потому и не раздумывал больше, отодвинул крышку, да и ухнул во тьму, нащупав ногами узкую лестницу. Спустился, не обращая внимания на вонь, огляделся... и вдруг увидел тусклый свет фонарика. Не очень-то и далеко, метрах в двадцати.

Канализационный коллектор оказался довольно просторным, можно было идти не сгибаясь. Мало того, и поднятой рукой не достать потолка! Вернее, не потолка – свода. Земляные – а местами и каменные – стены, трубы, под ногами – шуршание и писк. Крысы...

Леонид быстро оглянулся – сверху, из люка, лился приметный свет. Так что, ежели что...

Луч фонарика неожиданно дернулся и пропал. Закусив губу, Арцыбашев вытащил из кармана смартфон – подсветить можно было и им, экран яркий, тем более заряжал только вчера.

Никакой подсветки однако же не потребовалось. Луч появился вновь. И отчетливо слышались шаги. Гулкие и какие-то неторопливые, что ли... осторожные. Хотя, нет – незнакомец шагал довольно уверенно. Словно знакомой дорожкой шел. Так ведь и шел...

Под ногами зачавкало, откуда-то слева вдруг пахнуло гнилью, и послышался чей-то рык! Глуховатый, но жуткий, утробный. Собака? Или... или какое-то подземное чудище?

Молодой человек замедлил шаг и попятился. Рык вскоре прекратился. Однако и фонарик впереди опять исчез. Исчез и больше не появился.

Терпеливо выждав минут пять, а то и все десять, Арцыбашев пожал плечами, повернулся и направился к люку. Ну, что поделаться, раз уж так... Тем более в следующий раз можно и без сутулого. Только экипироваться, как следует: фонарик прихватить, сапоги. А еще – карту. Самое главное – карту. В той же антикварной лавке и купить... нет, лучше просто снять копию, Тимоха не откажет. А сутулый... сутулый куда не денется – рано или поздно в лавку что-нибудь да принесет. Яшмовую чернильницу, прясло... да те же монеты, в конце-то концов.

* * *

Леонид снимал однокомнатную квартирку невдалеке от метро «Молодежная». Удобно! Заводить в Москве авто Арцыбашев пока не собирался – смущали бесконечные пробки и нервозная обстановка на дорогах. То ли дело у себя в провинции! Да и там-то, честно говоря, в последнее время...

Заглянув по пути в японский ресторан за пиццей, Леонид перешел дорогу и, прикупив в «Пятерочке» пивка, подался к родному подъезду. Дома принял душ и, сунув в микроволновку пиццу, откупорил бутылочку пива да уселся в кресле перед телевизором, который смотрел крайне редко, предпо-

читая интернет и музыкальное радио. Вот и сейчас врубил...

– А теперь, по многочисленным просьбам, слушаем японских рокеров под странным для Японии названием – «Версаль»...

Японские рокеры молотили неплохо, Лёне понравилось, он даже насвистывать что-то подобное стал, слух-то имелся. Насвистывал, потягивал лениво пиво и думал. Сильно захотелось закурить, но молодой человек позыв сей героически выдержал, потому как три месяца назад – с переезда в Москву – решил завязать с куревом. Уже пятый раз за последние два года завязывал... но вот пока держался.

Выйдя на балкон, Арцыбашев поставил пустую бутылку в корзинку и, опершись на ограждение, окинул задумчивым взглядом округу. Ах, Москва, Москва, все ж видно – столица! Впрочем, здесь, у «Молодежной», не особо и видно. Так, обычные кругом домишки. Зато не сказать что шумно, да и зелень во дворах имеется. Почти как в родном Лихвинске, где Леонид Федорович имел счастье – или несчастье, это уж как посмотреть – трудиться в должности педагога дополнительного образования в некоем учреждении, громко именовавшем себя Центром детского творчества. А если коротко и понятно – бывший Дворец пионеров. И Лёня – режиссер детской театральной студии. Он же и сценарист. А куда еще после окончания Института культуры бедному провинциалу податься? С торговлишкой откровенно не заладилось – напроць не было у Леонида никакой коммерческой жилки, а

вот режиссерская была, и дети его на всех фестивалях-конкурсах первые места запросто хватали. Что, конечно, руководителя студии радовало, но, увы, особых денег не приносило. Приходилось еще подрабатывать в соседней школе, вести курс «мировой художественной культуры», ну и «бомбить» иногда. На скромную жизнь хватало, даже получалось кое-что отложить – смотаться раз в год в Ригу или Прагу, попить пивка, ну и рядом – в Иматру, Лаппеенранту – за продуктами, шмотками и «откатать» визу. Вот как-то так...

Что же касаясь личной жизни, то в свои двадцать девять лет Леонид Федорович еще так и не женился, все искал свою единственную, а точнее, и вовсе не искал, а путался с разными девицами, иногда и с двумя-тремя сразу. Для секса хватало с избытком, а к семейной жизни Лёня себя считал еще не готовым. К большому огорчению пенсионеров-родителей, обитавших в деревне километрах в полустах от Лихвинска. Имелся еще старший брат, человек солидный, семейный, многодетный. Отношения с ним были прекрасные, но все же – чужая семья.

А вообще, все это доставало. И неопределенная личная жизнь, и относительное безденежье, а самое главное – неудовлетворенность собой. Ну, что там детская студия? Он, Леонид Арцыбашев, и фильмы мог бы снять или какой-нибудь крутой сериал – запросто! Сам и режиссер, и автор сценария... Спонсора бы только найти, спонсора.

И когда как-то невзначай пересекся вдруг с бывшим од-

нокласником, а ныне преуспевающим москвичем, владельцем антикварной лавки – Тимофеем Ивановым, а попросту Тимохой, то и думать не стал. Тимоха всерьез позвал в столицу, обещал на первых порах помочь, свести, с кем надо – а знакомства у него имелись обширнейшие.

Вот и поехал Лёня. Взалкал столичной светской жизни, денег больших взалкал, а пуще того – Дела. Кино хотелось снимать, чего уж. Тем более пока, попервости, устроился в ту же лавку – антикварный салон «Персида» – менеджером-продавцом. Хитрый Тимоха знал, кого приглашать – к старинным вещам Лёня страсть испытывал с детства. Ну, с ранней юности, с бабки, у которой много чего было... И все это Леонид сохранил, мало того – преумножил, и кое в чем разбирался – «новгородскую» деньгу с «московской», как некоторые, не путал.

В лавке – в салоне – конечно, было неплохо. Но ведь не за этим Арцыбашев в Москву подался. Или... И все же билась в висках авантюрная жилка, тем более семьи-то нет, осторожничать не надо, отвечать пока не за кого.

Того странного парня, сутулого, старший продавец Леонид Федорович выделил из толпы покупателей сразу. Как-то уж слишком уверенно тот держался. И цену принесенным на комиссию вещам да монетам знал, однако на слишком большой отнюдь не настаивал. Хотя в иных местах мог бы и куда больше выручить. Через тот же Интернет. Мог бы, да. И что? Просто не хотел заморачиваться? Такое впечатление, что и

монет, и прочих вещичек эпохи Ивана Грозного у сутулого имелось с избытком. Словно бы отыскал он клад, из которого по мере надобности и черпал.

Арцыбашев, видя такое дело, взалкал. Тоже клад захотелось. И жилка синяя на виске билась – проследи, посмотри, вдруг да что? Вдруг да тоже удастся...

* * *

– Диггеры? – усевшийся в кожаное солидное кресло Тимофей Иваныч – Тимоха – вытянул ноги и засмеялся. – Буратино, ты сам себе враг! Ты сам себе враг, Буратино.

Невероятно активный, толстый, этакий Гаргантюа, Тимоха ни минуты не мог просидеть спокойно, постоянно вертелся, что-то насвистывал, теребил руками, закладывал ногу за ногу. И говорил. Много, почти не остановимо, словно сорвавшийся с гор сель. Говорил, обильно перемежая речь пословицами либо вставками из старых советских фильмов.

– Они с тобой и разговаривать не будут, Лёня! Просто кинут. Вытянут за «подземные экскурсии» деньги – и тютю. Проведут по коллектору, а платить будешь за «подземелья московского Кремля». Разведут, как лоха!

– Но я-то не лох.

– А, горбатого могила исправит, – привстав, Тимоха плеснул себе виски из стоявшей на столе зеленоватой бутылки «Гленморанж». – Будешь?

– Ты же знаешь, я крепкое как-то не очень...

Хозяин лавки расхохотался, колыхаясь всем телом:

– Помню, помню: «Хорошо бы пива... Нет, только вино!»

Кстати, какую карту ты у меня сегодня ксерил? Не кремлевские подземелья, часом?

* * *

Сутулый в лавку больше не заглядывал. С тех самых пор. Может быть, обнаружил слежку? Или имелись у него и какие-то другие дела, а полученных от продажи монет денег пока хватало. Может, и так.

Однако Леониду быстро опротивело сидеть без дела. Авантюрная натура брала свое. И вот дня через три, в субботу, раненько поутру отправился-таки молодой человек в подземелье. Один. На свой страх и риск. Прихватив с собой мощный фонарик, компас, моток веревки да газовый баллончик – от крыс да собак. Мало ли?

Ну, в одиночку – и что? Вдруг да повезет? Ну, не Тит Ливий, конечно, а те же «московки», «новгородки» и прочее. Может, и спонсоров на фильм искать не надо будет. Сам себе и режиссер, и спонсор!

Спустившись под землю через тот же – уже проверенный – люк в пустом дворе за мусоркой, молодой человек первым делом проверил мобильную связь. Сразу под люком прием был отличный, шагах в пяти – удовлетворительный, а уж

дальше связь вообще пропадала. Глухо, как в танке.

Включив фонарь, новоявленный диггер сверился по компасу с картой и вполне уверенно зашагал по длинному сводчатому коридору. Воняло. Откуда-то сверху срывались тяжелые маслянистые капли. Чавкала под ногами какая-то подозрительная жижа. Бетонные перекрытия местами сменялись кирпичными, а кое-где и вообще никаких перекрытий не было – одни земляные своды.

Однако на этот раз никто в темноте не рычал, не выл и под ногами не шмыгал. Лишь пара красных глаз сверкнула откуда-то из бокового пролаза, да тут же и скрылась. Пройдя шагов триста, Леонид остановился и тщательно сверился с картой. Где-то здесь нужно было повернуть налево, в боковой туннель... Ага, он!

Сунув карту в карман, Арцыбашев уверенно зашагал во тьму. Луч фонаря кусками вырывал какие-то трубы, бетон и даже кирпичную кладку, судя по всему – древнюю. Примерно через час путник снова остановился и удовлетворенно хмыкнул. Судя по карте, он находился как раз под Тайницкими воротами Кремля. А это, кстати, указывалось на карте как возможное место сокрытия либереи! В которую Леонид Федорович, честно говоря, не очень верил, но... Но – Тит Ливий же откуда-то взялся! И ведь не подделка – в таких вещах антиквар Тимоха разбирался неплохо и целый штат экспертов мог подключить вполне. Что и сделал.

Подземный ход постепенно расширился и уже представ-

лял собою небольшую пещеру с высокими земляными сводами и ответвлениями, уходящими куда-то во мрак. Земля под ногами диггера имела такой вид, будто ее вскапывали под огород. Так ведь и вскапывали! Копали. Искали. И даже, может быть, что-то нашли. По крайней мере Арцыбашеву очень хотелось в это верить. Раз хоть кто-то – тот же сутулый! – хоть что-то нашел, так он-то чем хуже? Может быть, повезет?

Спрятав карту, Леонид задумчиво присел на песчаную осыпь и вдруг расхохотался, стукнув себя ладонью по лбу. Вот ведь дурень! Кладоискатель, блин. Компас прихватил, карту... А лопату? Кирку? Голыми руками тут ничего не возьмешь, думать нечего. Мудреное слово «диггер» так вот – «копатель» – и переводится. С английского, кажется. Английским, кстати, молодой человек не владел, зато хорошо знал немецкий, тот его диалект, на котором изъяснялись в Пруссии. Еще в школе увлекся языком, а в институте даже был на практике в Берлине. Правда, сейчас много чего подзабыл, потому что – без надобности.

Чу!!! Стены пещеры вдруг резко задрожали, словно бы собирались вот-вот рухнуть, похоронив под собой незадачливого кладоискателя без кирки и лопаты. Ощувтив спиной нарастающую вибрацию, Леонид бросился в ближайший туннель. Из которого тут же донесся грозный вой и рычание!

О, боже!

Упав наземь, молодой человек выхватил из кармана бал-

лончик с газом, приготовившись отразить нападение неведомого чудовища. Ну кто тут мог быть? Собака... точнее – собаки. Целая стая, ага.

Никто не напал. Не выскочил из темноты, лая и злобно сверкая глазами, не рванулся к жертве, плотоядно раскрыв усеянную желтыми клыками пасть. Вой смолк так же неожиданно, как и начался. Прекратилась и вибрация.

Господи... да это же...

Электричка!!! Ну да – метро же должно быть где-то рядом. Облегченно вдохнув, новоявленный диггер поднялся на ноги и нервно рассмеялся. Однако весело. Однако нужно купить лопату, вот что. Небольшую такую. Саперную.

* * *

Ничтоже сумняшеся задумал Леонид Федорович снять фильм – а лучше сериал – совсем обычный. Не розовые бабьи сопли, не про бандосов-ментов, не модную среди молодежной среды ржачную тупую камедь, а нечто куда более изысканное и, можно даже сказать, интеллигентное. Новое историческое кино! Ни больше ни меньше. Об эпохе Ивана Грозного. А что? Опричный террор, разгром Новгорода – это вам не какая-нибудь «Игра престолов», это гораздо круче будет.

Эту свою идею Арцыбашев лелеял года два, да не просто лелеял, а активно писал сценарий будущей «фильмы», по-

дробно – с раскадровкой, «звуком» и «светом». И мало того что писал – даже отослал сразу в несколько известных (естественно, коммерческих, больше ведь никаких и нет) студий, одна из которых даже разродилась ответным письмом, в котором отнюдь не подвергли арцыбавшевский опус голой критике, а наоборот, похвалили. А в конце письма задали хитрый вопрос – для кого, собственно говоря, кино? Молодежная аудитория отсеивается сразу – они ни истории, ни географии не знают и знать не хотят, а что незнаемо, то и неинтересно. Для мужиков мордобоя маловато. Да и опять же – история. Им стрелялку-бродилку какую-нибудь. Женщины... гм-гм... любовная линия слабая, в основном войны, террор да душевные терзания Ивана. Вам что, уважаемый Леонид Федорович, лавры Сергея Эйзенштейна спать не дают? Так и у того только первую серию выпустили. В общем, будьте проще, уважаемый, и народ к вам потянется. Напишите нам смешной молодежный сериал, для активной молодежи, увлекающейся гаджетами, автомобилями, тусовками... Как будто молодежь телевизор смотрит! Ну, если только какая-нибудь кондово-провинциальная, у которой на Интернет денег нет.

Так вот, ткнули лицом в грязь. Вернее – в «активную молодежь». Но Лёня надежды и веры в себя не терял, работал. И искал денежки. Спонсоров, мать ити.

Лопату молодой человек приобрел рядом с метро, в супер-

маркете, там же обзавелся резиновыми сапогами и непромокаемым плащиком – так, на всякий случай. Дешевый – если что, испачкать не жаль.

На рабочем же своем месте, в антикварной лавке, Арцыбашев, подняв все накладные, расписки и прочее, тщательным образом проверил всех, кто сдавал на комиссию шестнадцатого века вещи. Таких, кстати, за три года (дольше Тимоха документацию не хранил) оказалось аж пять человек, все достаточно молодые, лет по двадцать пять – сорок. То есть под образ сутулого вполне подходящие. Однако только один из них кроме серебряных денежек и разного рода старинных вещей притащил на комиссию «два листа пергаментные с надписью на латыни – “Тит Ливий”. Звали сутулого Орешников Денис Петрович, и было ему от роду тридцать пять лет. Правда, вот прописки в графе не стояло. Как пояснил Тимофей, это только по желанию клиентов указывалось. Кроме вещей шестнадцатого и пятнадцатого веков господин Орешников еще выставлял на продажу марки и значки семидесятых-восьмидесятых годов. В большинстве своем – «с олимпийской символикой». Странное соседство – шестнадцатый век и семидесятые. Хотя, если подумать, ничего странного. От родителей могло остаться, от старших братьев-сестер.

В ближайший же выходной, опять-таки – в субботу, Леонид отправился все туда же – в старый двор, в коллектор.

Поднялся раненько, и около шести утра уже был на месте. Недолго повертелся, выждал – не нарваться бы на дворника, – да и юркнул себе в люк, не забыв за собой тяжелую чугунную крышку. И как оказалось, правильно сделала, что задвинул!

Спустившись, новоявленный диггер не успел сделать и нескольких шагов, как сверху вдруг послышался лязг и темноту подземелья прорвался тусклый свет раннего московского утра.

Арцыбашев немедленно прижался к стене и затаил дыхание, глядя на спускающуюся сверху патлатую фигуру в кожаной потертой куртке и узких, заправленных в высокие берцы, штанах. Господин Орешников, Денис Петрович – собственной персоною. Ага!

Надо сказать, собственной безопасностью Орешников как-то не особенно заморачивался: не оглядывался, по сторонам башкой не крутил. Спустился да зашагал себе знакомой тропой, светя фонарем под ноги. Даже насвистывал. В общем, как и в прошлый раз, вел себя вполне уверенно, словно домой явился.

Как и в прошлый раз, несостоявшийся режиссер, таясь, потопал сзади. Главным – широким и длинным – коллектором шли где-то с полчаса, пока впереди вдруг не показался свет. Желтый, явно от фонарика... и не от одного. Еще и голоса слышались. Грубые, мужские.

Сутулый явно насторожился. Резко остановился, вжался

в стенку да какое-то время так и стоял, прислушиваясь. А потом вдруг быстро бросился куда-то... Леонид даже и не сообразил – куда. Вот только что был, стоял на месте, и вдруг исчез, словно бы растворился в спертom воздухе подземелья. Только берцы чавкнули в грязи. Да так громко, что те, впереди, что-то такое услышали и сразу же насторожились, замолкли. И яркий луч фонаря неожиданно уперся режиссеру в глаза.

– Вот он! Держи его, держи!

– Лови!

– На этот раз не уйдет, сука!

– Эй, это ж не он!

– Значит, сообщник. Бей чужака, парни!

Раздавшиеся вдруг гулкие вопли как-то мало походили на вежливые приветствия, и Арцыбашев, быстро прикинув, что к чему, немедленно дал деру. Проще говоря, побежал как можно быстрее, ибо гнались именно что за ним, в этом сомнений не было. Это он был здесь чужаком, это его собирались бить... Интересно, сколько их? Судя по фонарикам, человек пять, никак не меньше. Догонят – мало не покажется! Черные диггеры – а именно их, судя по всему, и повстречал Лёня – кротким нравом, увы, не отличались. Запросто могли и убить да бросить труп под землю, случаи бывали.

Билось сердце. Чавкала под ногами грязь. Летели по сторонам брызги. Лучи фонарей хлестали по сводам переходящих одна в другую пещер, словно старинные сабли.

– Слева, слева заходи-и-и!

– Загоняй!

– Стой, гад, хуже будет! Стой!

Что-что, а попадать в лапы диггеров Арцыбашев явно не собирался. Однако на бегу, к ужасу своему, понял, что добраться до заветного люка явно не успевает. Преследователи знали подземелье куда лучше его, прекрасно ориентировались, нагоняли... Кто-то даже швырнул на бегу что-то тяжелое... лом? Нет, скорей – черенок от лопаты. Короткая палка угодила беглецу в спину. Довольно-таки чувствительно угодила, хорошо не в голову.

Леонид пригнулся и, углядев боковой ход, недолго думая юркнул туда, слыша, как погоня пронеслась мимо. Ага! Не заметили, сволочи. Однако это еще ничего не значит – вернутся и будут искать. И, скорее всего, найдут, если получше не спрятаться.

Лаз оказался узким и низеньким, бежать по нему уж никак было невозможно, приходилось пробираться, согнувшись, а пару раз даже встать на четвереньки... Черт! Позади снова слышались крики. Таясь, беглец поспешно выключил фонарик... и вдруг увидел наверху свет. Самый настоящий, дневной.

Рванувшись вперед, молодой человек почти сразу нащупал рукой скобы, вбитые в бетон. Колодец. Канализационный колодец! Выход, черт побери.

Он выбрался наружу в каком-то дворе, вовсе не в том, в каком влез в коллектор. Впрочем, место оказалось достаточно глухим, располагалось сразу за ржавыми металлическими гаражами, спрятавшись между которыми Арцыбашев некоторое время выждал, когда пройдут две молодые мамы с колясками. Не хотелось никого пугать и видом своим вызвать подозрения. Еще примут за бомжа, позовут парней, мужиков – а оно надо? Лучше уж привести себя в порядок – отряхнуться от грязи, причесаться... В принципе вид-то и ничего, сойдет.

Для похода под землю Леонид надел обычные старые джинсы и куртку, лишь сверху накиннул плащ – тот самый, недорогой – увы, ныне утерянный. Видать, слетел на бегу. Остальная одежда не очень-то и испачкалась, вот только сапоги пришлось очищать. Да еще причесаться...

Вот теперь, пожалуй, можно и выйти.

– Здравствуйте, девушки! Погода сегодня хорошая, правда?

– Здравствуйте!

Молодые мамы переглянулись и разом улыбнулись беглецу. А чего б им не улыбаться-то? Чай, Леонид Федорович не какой-нибудь там «мурлон», а человек вполне светский, и женскому полу приятственный: этакий худощавый, среднего роста, шатен с голубыми глазами. Средняя – ни короткая, ни длинная – стрижка, аккуратная бородка с усиками а-ля кардинал Ришелье. Чего б такому не улыбнуться-то?

– Да, и вправду хорошая. Так и в газетах писали, что лето теплое будет.

Ну, надо же – в газетах! Можно подумать, они газеты читают...

Еще раз улыбнувшись, молодой человек обогнал мамулек и спешно зашагал по двору к видневшейся невдалеке арке, явно выведившей на какую-то людную улицу – может быть, на Пречистенку или Маросейку. Слева от арки, на детской площадке, ошивалась компания подростков, человек пять, все длинноволосые, в потертых джинсах, а вот один – терзающий гитару крепыш – в коричневых клешеных брюках.

– Вот... новый поворот... – хриловато орал крепыш. Остальные невпопад подпевали.

Проходившая мимо женщина средних лет, чем-то похожая на королеву Елизавету Английскую, сделала парням замечание, пригрозив детской комнатой милиции и еще каким-то «бюро». Странно, но угроза подействовала: парни перестали петь и живенько поднялись со скамейки.

– А ты-то, Колька, уж не куришь ли? – не унималась «Елизавета». – Слышала, вчера молодежь в ларьке «Беломор» покупала...

– Фи, тетя Зин! «Беломор»! Мы такое не курим.

– А кто портвейн вчера в песочнице пил? Я вот матери-то все расскажу, ага, ты смотри, Колька...

–

Портвейн в песочнице... Сворачивая в арку, Арцыбашев

идиллически хмыкнул. И удивленно остановился. Возникшая перед ним улица, довольно широкая и большая, вдруг с ходу показалась ему какой-то странной. Показалась, да... но вот в чем эта странность выражалась, успокоившийся наконец беглец никак не мог понять.

Стоял, присматривался. Ага! Ни одной девчонки в шортиках или в топике на тротуарах что-то не наблюдалось, несмотря на то что денек-то стоял солнечный, теплый. Нет, в коротких юбочках были, и много... и такие замечательные экземпляры попадались, что прямо ах, но в джинсовых шортиках – не было. И рекламы на домах – не было. Просто вывески: «Бакалея», «Булочная», какая-то «Березка». У всех трех тусовались приличные очереди.

– Клава-а-а! – несколько зазевавшегося Леонида едва не сбила с ног вынырнувшая откуда-то из подворотни женщина с красным лицом и с большими сетками в руках. В сетках виднелись треугольные пакетики с молоком, батоны и рулоны серой туалетной бумаги.

– Клава-а-а! – обращаясь непонятно к кому, истерично закричала женщина. – В обувном югославские сапоги выбросили! Говорят, все размеры есть... По две пары в руки дают! Айда, живо.

Едва не споткнувшись, Арцыбашев аккуратно обошел бесстыдно припаркованные прямо на тротуаре «Жигули»-шестерку. Поразило, что сие непрезентабельное авто цвета кофе с молоком находилось в отличнейшем состоянии

– прямо блестяло. И номера были – черные с белыми цифрами. Оп!!! Такие же и почти на всем транспорте, и движущемся, и стоящем. Да и транспорт-то был... как бы помягче выразиться-то? Ретро – да, именно так! Разномастные «Москвичи» самого разнообразного вида, «Жигули» – «копейки», «двойки», какие-то полосатые автобусы ЛиАЗы, мотоциклы с колясками – во множестве, словно какой-нибудь байк-фестиваль.

А ведь и в самом деле фестиваль, догадался Лёня. Фестиваль ретро-автомобилей!

– Слышь, чувак, куртку не продашь, а? – вылезший из «шестерки» бородатый парень в зеркальных противосолнечных очках, приталенной блестящей рубашке и узких джинсах аккуратно, почти ласково взял Леонида под локоть. – Не обижу, чувак, не думай. Вижу ж – коттоновая. Только не «фирма» – это, извини, тоже видно. Явно не пилится... хотя... Чье производство, не скажешь? Самопал? Индия? Болгария? Польша?

– Полагаю, Турция... – Леонид пожал плечами. Ну и борода... чего, спрашивается, пристал?

– Хок! – бородатый хлопнул себя ладонями по ляжкам. – Ну, ты смотри, уже и турки джины стали делать! Но, конечно, не «Монтана» и не «Ливайс». Ты куртку-то не дашь померить? Вроде бы как на меня. А деньгами, сказал, не обижу – три червонца, лады?

– Чего? – к удивлению своему, Арцыбашев вдруг обнаружил, что никак не может отвязаться от этого наглого парня, скорее всего – психа. Уж так ему хотелось старую Лёнькину куртку примерить, уже и деньги совал. Какие-то странные, красноватые купюры... Господи! С Лениным!

И мало того что совал – уже и куртку начал стаскивать.

– Эй, эй...

– Извини, я часть – мелочью... Ты, если что подобное будет, ко мне тащи, ценой не обижу. Тут, у «Березки», спросишь Блэкмора – прозвище такое... Опа! Менты!!! Сматываемся!

Стащив-таки куртку, незнакомец юркнул в ближайшую подворотню, оставив на тротуаре обескураженного Леонида. Мимо проехал желтый полицейский уазик. Подписан он был по-старому – «Милиция». Видно, надпись еще не успели сменить.

– Нет, ну среди бела дня, в центре Москвы – раздели! – Арцыбашев изумился самому себе. Он, конечно, не любил зря геройствовать, но за самого себя постоять бы смог. Однако почему-то стоял, словно замороженный... А в руках держал деньги. Те самые, с Лениным. Две красненькие бумажки номиналом по десять рублей, одна голубоватая пятерка, светло-зелененькая «трешница», пара мятых, совсем уж мелких, фантиков-рублей и разномастная мелочь.

– А ну вас всех!

Куртки вообще-то было несколько не жаль... Но вот

смартфон, ключи! И где теперь этого бородатого искать-то? Стоп, он же сам сказал – у «Березки». Сейчас что-то не видно... свалил. Может, завтра появится? А может, и не появится... Так что сейчас-то? Домой. А ключи? Запасные-то висят... дома. Только как до них добраться? Железную дверь ломать? Лучше уж через соседский балкон – запросто. Сосед уже так вот лазал. Тоже ключи потерял... Значит, домой, ага. Отдохнуть, взять деньги да срочно купить новый мобильник...

Махнув рукой, Леонид спросил у первого попавшегося прохожего дорогу к метро, да туда и отправился. И там, в павильоне, снова ощутил странность. Вместо карточек люди бросали в автоматы жетоны – как в Питере. Лёня сунулся было в окошечко кассы...

– Что еще за жетон, товарищ? – красное лицо кассирши выразило самое глубокое изумление. – А, вам проездной, наверное...

– Нет, нет. Мне только до дому доехать.

– Что у вас, уважаемый, пяточка нет?

Пяточка...

А ведь был пяточок-то, имелся. В той горсти мелочи, что вывалил бородатый за куртку... как его... Блэкмор. Музыканта так звали, в «Дип Перпл». А этот, видно, фанат.

Опустив монету, Арцыбашев спустился по эскалатору и, сев в поезд, погрузился в свои мысли. В принципе ничего такого страшного не случилось – ну, куртка, ну, смартфон...

Жалко, конечно, но поправимо.

Стоявшая рядом светловолосая девушка в голубом шелковом платье читала какую-то толстую книгу. Леонид случайно заглянул через плечо.

«...госпожа Бонасье между тем, взяв в руки молоток, постучала в дверь...»

Госпожа Бонасье! «Три мушкетера». Ну, надо же, что сейчас блондинки-то читают! Главное, по старинке, в «бумаге», без ридера. Хотя вообще-то, среди продвинутой молодежи как раз сейчас мода пошла – бумажные книжки читать, настоящие.

– «Молодежная». Поезд прибыл на конечную станцию. Уважаемые товарищи, не забывайте свои вещи в вагонах электропоезда.

Арцыбашев вышел на перрон вместе со всем народом и озадаченно хлопнул глазами. Почему это «Молодежная» – и вдруг конечная?

– Девушка, а что, до «Крылатского» поезда не идут?

Так просто спросил. Ту самую блондинку. С Дюма.

Девушка обернулась – красивая.

– Так «Крылатское»-то еще не построили. Ну, разве что специально для вас.

Сказала, улыбнулась и пошла, помахивая брезентовой сумкой. И походка такая – от бедра. А на сумке – олимпийский мишка и надпись «Олимпиада-80». Поклонница старинны, блин. Ишь ты – «не построили». Издевается. Впрочем,

черт с ней...

Выйдя из вестибюля, молодой человек удивился еще больше. Он просто ничего не узнал! Не было ни новостровок, ни крытого рынка, ни супермаркетов. Но надпись на павильоне метро имелаась: «Молодежная». Да и улица... ну да, похоже. А вот и своя, Ярцевская. Черт побери, а куда магазин-то делся?! И ресторан японский – где? А дом... где его дом-то? Да и вообще – что кругом делается?! Куда все делось?

– Командированный, что ли? Эй-эй, – какая-то разбитная девица в кроткой юбке потрясла Арцыбашева за рукав. – Если квартира нужна, так я могу устроить. И не только квартиру...

Леонид поднял глаза. Крашеная блондинка. Лет тридцати или даже моложе. В принципе симпатичная, стройная. И взгляд такой... вполне откровенный. А что? У нее и зависнуть, расслабиться... Черт! А деньги? У него ж одни только эти... советские фантики. Хотя, может, среди них что и завалялось...

– Эй, эй, ты тугрики-то свои не свети, – почему-то заволновалась девчонка. – Давай отойдем лучше.

– Давай.

Сразу за павильоном, оказывается, располагался пивной ларек, и народу там хватало. Крашеная туда не пошла, повела молодого человека подальше, к кустам акации, огляде-

лась...

– Ну, сколько у тебя есть?

– Нисколько. Вот только это...

– Ага.

Навязчивая незнакомка ловко пересчитала деньги.

– Ну, что сказать, на одну ночь хватит. Сейчас я тебя отведу, а потом быстренько в лабаз сбегаю. Коньячок там, то, се... у меня продавщица знакомая. Э-эй, что стоишь-то? Пошли.

Раньше Арцыбашеву казалось, что район этот он знал хорошо. А вот фиг вам, оказывается! Никогда не думал, что здесь так много хрущевок. Кругом одни пятиэтажки обшарпанные. Новостройки тоже есть, а вот машин почему-то мало. А из тех, что припаркованы... «Жигули» первой модели... «троечка» густо-синего цвета... оранжевый «Москвич»-комби... и надо же – «запорюги»: ушастый, мыльница, снова ушастый... А состояние-то очень даже ничего!

– Ну, почти пришли, – крашенная кивнула на подъезд с сидящими на лавке бабушками. – Давай так, сначала ты зайдешь, а чуть погодя – я. На третьем этаже ждать будешь. А то, сам видишь, комсомольско-пензионерский патруль. Управдом – друг человека!

Девчонка кивнула на бабок и выругалась.

– Да не бойся, не кину. Бабки-то все у тебя.

Подъезд оказался вполне обычным, разрисованным. «Ле-

ха дурак», «Катя Л плюс Миша К равно любовь», «АВВА», «Високосное лето», «Араке»... А на площадке-то – все двери обычные! Фанерные, ни одной железной. Ну, беднота-а-а...

Крашенная не обманула, явилась почти сразу, и пары минут не прошло. Вытащила из сумочки ключи, открыла.

– Проходи. Вон, на диване располагайся, телевизор включай. А я в лабаз, мигом! Да! Тугрики-то давай.

Леонид молча вывалил в подставленные ладони «фантики» и мелочь. Девчонка радостно улыбнулась:

– Ну, жди!

Ушла, хлопнув дверью. Хм... даже не заперла.

Оставшись в одиночестве, Арцыбашев с удивлением осматривал «хрущобу». Обычная однокомнатная квартирка, явно съемная. Древняя, но вполне еще крепкая мебель, убогие обои в мелкий цветочек, в красном углу старинный – на черных ножках! – телевизор «Рекорд». На стене большой календарь с портретом молодой Аллы Пугачевой, почему-то на 1981 год, рядом с ним – такой же календарь, но англоязычный, глянцевый, с изображением собора Василия Блаженного и надписью «Олимпиада-80». Далась, блин, им эта олимпиада! Вокруг календарей веером располагались мелкие черно-белые фотографии и картинки. Культовая шведская группа «АББА», ансамбль «Верасы», еще какие-то парни с гитарами и в клешах... ага! А вот и портрет хозяйки. На

море, в купальнике. Тут она еще брюнетка. А фигурка-то – да-а-а-а... И на вид – лет восемнадцать. Интересно, сколько ей сейчас?

– Любуешься?

Леонид вздрогнул – слишком уж незаметно девчонка вошла. Ну да, скинула в прихожей туфли, босиком... а ножки... ах, ножки...

– Тебя как зовут, кстати?

– Леонид. Лёня... А вас?

Крашенная засмеялась:

– Лена я... Некоторые Еленой Прекрасной кличут, а иные – Элен.

– А вам самой-то как больше нравится?

– Да все равно. Слушай, ты чего выкаешь-то? Ах, да, на брудершафт не пили... Ну, так открывай.

Наскоро сделав бутерброды с вареной докторской колбасой, Лена достала из старинного буфета рюмки, придвинула к дивану журнальный столик. Лёня разлил коньяк. Выпили.

Хороший коньячок оказался, хоть и грузинский. Забористый, душистый. Такой ж, как и последовавший за ним поцелуй...

А дальше ж произошло то, что и должно было произойти, ради чего Арцыбашев сюда и явился. Погладив крашеную по бедру, молодой человек обнял ее, поласкал ладонями спинку, запустив руки под блузку... потом добрался до

пуговиц... расстегнул лифчик...

Юбку и трусики Лена сняла сама – умело и быстро. Уселась сверху, расстегнула ремень...

Она оказалась страстной любовницей и много чего умела, Леонид даже не ожидал... впрочем, вполне ожидал, раз уж попался профессионалке, да еще какой! Просто идеальная фигурка, плоский живот, крутые бедра и налитая любовным соком грудь с большими чувственными сосками, быстро затвердевшими под бегающими пальцами гостя. А как сладостно было накрыть эти соски губами, поласкать языком, обнимая, глядя теплую шелковистую кожу... Девушка выгнулась, застонала...

– Лёня, ты куришь?

– Вообще-то бросил.

– Тогда я на балкон...

Накинув халатик, Лена-Элен схватила со стола красно-белую пачку «Мальборо». Покурила быстро, пришла.

– А ты не жадный. Ну, выпьем еще. Я телик включу... или лучше музыку.

Девушка кивнула на старый проигрыватель «Аккорд», стоявший прямо на полу рядом с телевизором и кучей старинных виниловых грампластинок в разноцветных конвертах.

– Поль Мориа... нравится?

– Да что хочешь.

Заскрипела игла, послышалась легкая музыка. Любовники выпили.

– Ты откуда будешь-то? – тихо поинтересовалась хозяйка.

– Из Лихвинска, – скрывать свое провинциальное происхождение Арцыбашев не считал нужным – не место рождения человека красит.

– Из Лихвинска?! – Лена неожиданно встрепенулась. – Так я там в прошлом году жила! Ну, на время олимпиады сослали, выселили... Слушай, у вас там такой клуб потрясный. И ансамбль... кажется, «Апрель» называется. Они «Ирапшн» почти один в один снимают. Уан уэй тикет! Синий-синий иней! Круто! Слушай... – девушка наконец успокоилась. – А мы ведь там встречаться могли. Ну, так, ненароком. У вас там собор-то отреставрировали?

– Давно уже.

Гость покривился. Пускаться в ностальгические воспоминания сейчас в его планы отнюдь не входило. В настоящем бы, так сказать, моменте лучше поскорей разобраться. Отчего кругом все такое старое-то?

– Слушай, у тебя комп где? Ну, или смартфон, ноут... Мне бы почту проверить.

– Умный, да? – скосив зеленые, с поволокой, глаза, расхохоталась Лена. – Словами иностранными выпендриваешься? А я тоже, между прочим, в институт поступала... да не поступила. А ты думал – москвичка, ага?

Девушка выкрикнула это неожиданно зло, истерично,

и опытный в общении с женщинами Леонид быстренько плеснул ей коньяк. Целую рюмку.

– Ну, за удачу!

– За удачу... ага.

Потом снова был секс, потом выпивка, а потом... потом девушка отрубилась, уснула.

Осторожно выскользнув из-под одеяла, Арцыбашев включил телевизор.

– Избранный президентом Франции Франсуа Миттеран посетил Нормандию, – с неподдельным энтузиазмом сообщила появившаяся на экране тетка. – И вновь к новостям в Советском Союзе. Генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель Президиума Верховного Совета СССР, маршал Советского Союза товарищ Леонид Ильич Брежнев в своем выступлении на...

– Не спится?

Приподнявшись, Лена погладила любовника по спине.

– А телик-то у тебя – черно-белый...

– Ну, извини, не накопила еще на «Радугу».

– Слышь, Лена... А сегодня какое число?

– Семнадцатое, кажется.

– Ну да, семнадцатое... А...

Арцыбашев хотел бы спросит девушку, какой сейчас год, но осекся. Вопрос сей звучал бы довольно странно... если задать его прямо, в лоб. А вот ежели пытаться в обходную...

– Смотрю, ты на юг ездила, – молодой человек кивнул на фотографию. – Когда?

– Да года два назад... Ну да, в семьдесят девятом. Мы тогда еще...

Семьдесят девятый! Два года назад – семьдесят девятый. Значит, сейчас – восемьдесят первый! То-то и календарь... и метро, дома, машины... деньги эти странные. Но... ведь быть такого не может. Потому что не может быть никогда! Однако вот, кажется, есть...

– Что с тобой? – Лена обняла гостя за плечи. – Что – знобит? Коньяк так подействовал? Так ты бы не пил много.

– Коньяк? Да нет, просто озяб немного.

– Озяб? Ну, иди... согрею...

Они расстались утром. Леонид шел, словно в тумане, стараясь не обращать внимания на старые авто, на спешащих куда-то людей, на кумачовые лозунги с приветом двадцать шестому съезду партии. Просто шел. Шел к метро. И вышел – у магазина «Березка». Постоял, вспоминая... пошел... свернул в знакомую подворотню. Вот, кажется, здесь... Нет. Там песочница была, подростки... Значит, не эта, следующая... Ага... вот и песочница, а вот и... вот и люк! Даже чуть сдвинут.

Оглядевшись вокруг, молодой человек отодвинул тяжелую крышку и нырнул в черное зеву коллектора. Слава богу, у Лены оказался фонарик. То есть не у нее – хозяйский. За-

валялся на кухне, на подоконнике. Теперь пригодился...

Светя по сторонам, Арцыбашев нервно отсчитывал шаги. Кажется, здесь направо. Ну да! Вон и песок, и трубы... И палка та, черенок от лопаты – вон, валяется. Похоже, все правильно. А вот и лаз!

Леонид выбрался наружу в знакомом дворе за мусорными контейнерами. Как и там, в восемьдесят первом, здесь тоже было раннее утро, и какой-то азиат-дворник деловито орудовал метлой. И все кругом было родное! Реклама какой-то турфирмы, новенькие иномарки, даже тот же дворник.

«Вернулся!» – возликовал Арцыбашев. Все-таки вернулся! Или... все, что было вчера – сон? Восемьдесят первый год, бородатый... Лена... Черт, а смартфон-то, похоже – тютю. Вместе с курткой.

* * *

Выдержал Лёня недолго. Дня два. А на третий уже стало ломать – все хотелось вновь пробраться в старое, чужое время, о котором конечно же никому не рассказывал. Убедиться, что не сон.

Конечно, боязно было. А вдруг да не удастся обратно вернуться, вдруг да навсегда – там! Все так. Однако с другой стороны – хочется-колется. И жилка авантюрная на виске так и бьется, зараза, так и бьется, прямо спать не дает!

Не спал Арцыбашев, ворочался и наконец-таки решился. Просто спустился в коллектор, отыскал – не с первого разу – знакомый лаз, выбрался, вышел... Все те же мамочки с колясками, подростки в песочнице... Восемьдесят первый год!

Со двора Леонид выходить не стал – обратно подался. Выбрался за мусоркой, дух перевел. А работал лаз-то, работал! И туда можно было спокойно попасть, и обратно – без всяких затруднений. А раз так... так, может быть, попробовать бородатого Блэкмора отыскать да попробовать вернуть смартфон. Ну, куда он в восемьдесят первом? Да и не только в смартфоне, честно говоря, дело было... Лена! Ах, Лена... Почему б и не повторить-то? Тем более – с кем еще такое случалось? Шок, эйфория и какой-то детский боязливый восторг слились в голове Леонида в одну бурную кашу. А вернее сказать, не в кашу, а в брагу – неопишимо бодрящую, бродящую, грозящую вот-вот вышибить клапан.

К основному визиту в не столь уж и далекое прошлое Арцыбашев подготовился основательно. Вспомнил, что бородатый о джинсах говорил, купил парочку на распродаже, по пятьсот рублей обошлись. Одни – синие, другие – черные. Турецкие, вестимо.

Из лаза в старом дворе выбрался, отряхнулся. Мамочкам молодым кивнул, словно старый знакомец. Так же и они ему. Здравствуйтесь, мол. Парни в песочнице покурить стрельнуть попытались... увы... Но ничего, не обиделись. У кого-то другого стрельнули.

Вышел Леонид на широкую улицу... а сердце-то колотилось. Вот-вот из груди выпрыгнет. Подошел к «Березке».

– Блэкмора, с бородой такого, не видели?

– Да вон он, у тачки своей.

Ага. Как же Лёня сразу не разглядел-то? Вот он, Блэкмор.

Стоит, на приоткрытую дверцу оперевшись картинно, перед раскрашенными деваками красуется. Арцыбашев хмыкнул да подошел внаглую:

– Привет, борода!

Блэкмор оглянулся, узнал:

– И тебе не хворать. Здорово.

Ничуть ведь не испугался, зараза. Хотя чего ему бояться-то? Он ведь у себя. Улыбнулся вполне даже доброжелательно да насчет джинсов спросил. Не забыл, надо же.

– Стой, стой, не показывай. В машину давай. Девчонки, до вечера!

Сел Лёня в машину. Бородатый двигатель запустил – поехали. Остановились в каком-то проулке. Блэкмор огляделся по сторонам, даже очки снял:

– Вот теперь – давай.

– Там у тебя одна вещица моя осталась... случайно в куртке забыл.

– Сначала джины покажь.

Черные джинсы бородатому почему-то не понравились напрочь, даже смотреть не стал, а вот синие, обычное, пятьсот первые, заценил, правда, буркнул, что «не крутая фир-

ма» и, мол, шовчика снаружи нет. Дался ему этот шовчик, тоже еще шмоточник!

– Так вещица-то...

– За вот эти – пять червонцев дам, и без торга.

– А черные?

Парень ослабился:

– Слышь ты, деревня! Джинсы – синие. Только синие, понимаешь, даже, скорей, темно-голубые. Краска такая – индиго, линяющая. Черные – ни один лох не возьмет. Так что забирай обратно.

– А вещица моя?

– Эта, что ли? – Блэкмор вытащил из бардачка смартфон.

– Игрушка детская?

– Типа того...

– Я б ее, честно сказать, продал, да включить не смог. Как включается-то?

– Никак, – обрадованный Арцыбашев поспешно сунул смартфон в карман. – Батарейки сели.

– Я так и думал... Ладно – чирик с тебя за хранение!

– Чего?

– Я ведь мог его и продать. Ну, или выкинул бы, – бородастый улыбнулся сквозь зубы. – Однако не выкинул. Знал, что ты придешь. Джинсы – самопал?

– Турция.

– Ах да, ты говорил в прошлый раз. Так еще притаранишь? – Блэкмор неожиданно стал серьезным, деловым, без

всяких там ухмылочек. – Так есть товар-то?

– Ну... допустим, – задумчиво пробурчал Леонид.

– Да ты не жмись, полтинник – красная цена! Больше тебе все равно никто не даст, тем более оптом, – собеседник его вдруг покраснел, разволновался, стал размахивать руками. – Нет, ну хочешь – сам толкай. Только не советую, пипл тебя не знает, да и менты сейчас зверствуют. Так что, договорились?

– Черт с тобой, договорились. До «Молодежной» такси сколько стоит?

– Трояка хватит. А пятерку дашь – так с ветерком довезут. И без всякой очереди. Организовать?

Арцыбашев махнул рукой:

– Давай, организовывай...

Ленка ему обрадовалась, это было видно. Сразу накинулась с вопросами, мол, где столько дней пропадал. Леонид отвечал уклончиво, мол, он же командированный, вот и...

– Поняла, поняла, – засмеялась Лена. – Суп на вечер варить? Будешь? Или... может, в ресторанходим?

– В ресторан? – Арцыбашев задумался. – Тридцати рублей хватит, наверное?

– Ты мой зайчик! Нет! Волк из «Ну, погоди!».

– Скорее уж Скрудж Мак-Дак, если мультиками считать, – рассмеявшись, Леонид схватил девчонку в охапку и, покрутив на руках, осторожно опустил на диван, быстро расстеги-

вая халатик.

Оставшись в одних трусиках, Ленка вдруг взвизгнула и убежала на кухню – что-то у нее там жарилось или варилось. Явилась быстро, уже без трусиков. Встала в дверях, готовая ко всему, вся такая аппетитная, юная...

– Потанцуем? Я сейчас музыку...

Наклонилась к пластинкам.

Лёня не выдержал, не стал больше ждать. Вскочил, на ходу расстегивая джинсы, пригнул Ленку к полу, погладил о спинке, грудь поласкал... и между ног, чувствуя, как дыхание девушки становится громким и частым... и вот уже вырвался стон...

Он ушел утром. Без всяких проблем вернулся в свою эпоху, заглянул в лавку, да, сказавшись немного простывшим, поехал к себе. Дома включил ноутбук, задумался... стал кое-что смотреть, выяснять, довольно мыча и временами насвистывая Моцарта. Всем знакомый отрывочек из сороковой симфонии.

Итак. Средняя зарплата в начале восьмидесятых – сто – сто двадцать рублей, много – сто тридцать. В ресторане посидеть... скромненько – червонец, со вкусом – двадцать пять. Как вот вчера... ох, и лихо же вышло! А Ленка-то, Ленка... вот оторва-то, ах...

Джинсы Блэкмор берет по полтиннику... здесь – синие, только синие – можно купить по пятьсот. А на оптовой ба-

зе, глядишь, и куда дешевле выйдет. За пять штанов в восемьдесят первом году можно месяц жить, не бедствуя и ни о чем не беспокоясь. А за десять, двадцать? Борода – звали его, кстати, Санек – уверял, что и полсотни в месяц продать – труда не составит. Больше – стремно уже. Хорошо, полсотни. Это значит, это значит – две с половиной тысячи. Для начала восьмидесятых – не хило! Но с другой стороны, на что ему, Леониду Арцыбашеву, советские деньги? Что здесь на них купишь-то? Здесь – ничего. А там? Что-то такое, чтобы и здесь ценилось, что можно было б продать за хорошие бабки. И что? Антиквариат – вот что! Вещицы старинные, иконы...

* * *

– Антиквариат? Иконы? – ошалело переспросил Блэкмор. – Ну, ты, чувак, даешь! Хорошо еще, про валюту не спросил. Под расстрельную статью хочешь?

Арцыбашев успокаивающе похлопал «жучка» по плечу:

– Да ладно тебе, Санек! Чего так разволновался-то? Дело верное. Тебя, сам знаешь, не обижу.

– Да не во мне одном дело, – прикидывая что-то в уме, вздохнул бородач. – В комиссиях, конечно, можно кое-что найти. Но там только по паспорту, а тебе, я так понимаю, светиться резона нет. Значит, людишек подключать надо. Допустим, есть у меня шустряки... Но им платить при-

дется.

Так вот, сидя в новенькой блэкморской «шестерке», и рассуждали, думали. В конце концов пришли к обоюдовыгодному консенсусу, договорились, хлопнули по рукам, вечером обмыли сделку в «Метрополе».

В ресторан Ленка надела зеленое платье, дорогое, специально для подобного случая сшитое в почти закрытом ателье, из модной заграничной ткани. Естественно, на арцыбашевские деньги. Зажигала так, что дым коромыслом стоял, а уж потом, дома...

Леонид уже и голову ломать перестал – как так, в нарушение всех законов физики, могло получиться, что он преспокойно сигает себе в начало восьмидесятых и обратно. Это пусть ученые академики думают, а ему самому думать нечего, коль уж так поперло! Иконы появились и антиквариат, даже камни драгоценные проскочили – пошло дело! И все это – в обмен на грошовые турецкие джинсы. Санек-Блэкмор, подумав, нанял двух швей, кои быстренько превращали дешевый ширпотреб в истинную – не докопаешься! – фирму. Делали лишний – снаружи – шовчик, лейблы фирменные пришивали – «Монтана», «Ливайс», «Ли»... Оттого и шли джинсы уже по полторы сотни, из которых семьдесят рублей были – Лёнькины. Хорошее закрутилось дело, денежное! А уж Ленка-то как довольна была. Еще бы – совершенно случайно оторвала такого крутого парня. Не жизнь

складывалась, а малина. Но вот однажды...

Стоял уже июнь, и в тот день все не заладилось еще как-то с утра. Во-первых, на оптовой базе, ссылаясь на кризис и падающий коромыслом рубль, подняли цену с пятисот до восьмисот, что являло Арцыбашеву прямой убыток. А во-вторых, еще и товар какой-то подсунули лежалый, синий, но не такой синий, как обычно... Блэкмор в машине кривился, но все ж, как обещал, по полтиннику взял. В-третьих, Ленка на юг запросилась. Заканючила – хочу, мол, в Сочи хотя б на пару недель. В Сочи... отдохнуть, конечно, можно, но чуть позже, в августе, а еще лучше – в сентябре. Пока дело налаженное идет – пахать, работать надо.

Именно так Леонид сожительнице и объяснил. Именно такими словами. И нарвался... ну, не на скандал, конечно, упаси боже, но... Надулась Ленка, да весь вечер хмурилась. Утром так, хмурой, и попрощалась. Вот ведь шалава! И что ей нейдется-то? На юг, видите ли, захотелось.

Утро тоже выдалось хмурое, пасмурное, вот-вот – и дождик. Как раз и закапал, едва Леонид успел добежать до «Молодежной». А вот в центре города дождя не было, хотя облака-тучи висели, однако и голубое небо, и солнышко уже начинали проглядывать кое-где.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.